

УДК 94(47).083
DOI 10.52452/19931778_2021_6_17

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ И НАСЛЕДИЕ М.Н. КАТКОВА НА СТРАНИЦАХ «РУССКОГО ОБОЗРЕНИЯ»

© 2021 г.

М.В. Медоваров

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

mmedovarov@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.11.2021

Рассматривается тема, обойденная вниманием специалистов, – формирование культа личности М.Н. Каткова после его смерти в рядах русских консерваторов. На примере журнала «Русское обозрение» показаны два этапа формирования мифологизированного образа Каткова как публициста, мыслителя, государственного деятеля: от критических дискуссий со славянофилами о его идеологии до полной апологии.

Ключевые слова: Михаил Катков, русский консерватизм, славянофильство, «Русское обозрение», Анатолий Александров, Владимир Грингмут.

На первый взгляд, М.Н. Катков заслуженно остается в числе фигур, о наследии которых немало писали современники и которых продолжают изучать историки [1–7]. В последнее время появились исследования о соратниках и последователях Каткова [8–10]. Вместе с тем до сих пор не существует ни одной работы, посвященной попыткам «катковистов» создать культ личности своего учителя после его кончины в 1887 г. Между тем на протяжении более десятилетия консерваторы в диапазоне от А.А. Александрова до В.А. Грингмута старались сформировать канонизированное представление о покойном редакторе «Московских ведомостей» и «Русского вестника» как чуть ли не главном спасителе России и монарха от крамолы. Значительную роль в этих попытках выстроить культ Каткова сыграл журнал «Русское обозрение». Обращение к периодической печати имеет тем большее значение, что в литературе встречается мнение о большой дистанции между взглядами ведущих публицистов «Русского обозрения» (Л.А. Тихомирова, Ю.Н. Говорухи-Отрока, С. Флёрова и в какой-то степени даже В.А. Грингмута) и катковизмом [10, с. 464–472; 11, с. 37]. Рассмотрим, кто и какими средствами пытался достичь данной цели.

Считавшийся катковистом Грингмут сотрудничал с «Русским обозрением» уже с 1890 г., еще один выпускник катковского Лицея Анатолий Александров с 1892 г. стал редактором журнала, а многие другие сотрудники одновременно писали статьи для «Московских ведомостей» преемника Каткова – С.А. Петровского. Несмотря на это, долгое время «Русское обозрение» избегало декларирования катковских ло-

зунгов. Сказывалось влияние на первом этапе В.С. Соловьева и К.Н. Леонтьева, а после 1892 г. – Т.И. Филиппова и К.П. Победоносцева, а также участие в журнале славянофильских авторов вроде А.А. Киреева. Поэтому лишь в двух – правда, чрезвычайно важных – эпизодах истории «Русского обозрения» наследие Каткова оказалось в центре внимания. Первый из них представляет собой полемику о Каткове, длившуюся на протяжении всего 1895 г. и включающую девять статей пяти авторов; второй эпизод связан с выходом тематического июльского номера 1897 г., посвященного десятилетию смерти Каткова и включавшего шесть материалов о нем.

Полемику о значении М.Н. Каткова в истории России открыл в январе 1895 г. В.А. Грингмут, посвятивший своему учителю программную статью из цикла «Современные вопросы» [12]. В ней он называл Каткова «провозвестителем нашей новой русской эры» [12, с. 346], глашатаем самодержавия «как основного, неизменного принципа Российского государства» [12, с. 347], приписывая исключительно ему заслугу отделения русского самодержавия от западного и восточного абсолютизма (хотя на деле эта заслуга принадлежала славянофилам). Грингмут оценивал своего учителя как «вдохновенного пророка, который еще среди мрака взывал к свету, который требовал для России самостоятельности, независимости и строго национальной политики в то еще время, когда в России никто не хотел верить в эту самостоятельность, когда все у нас глумились над нашими национальными идеалами и возмущались при одной мысли, одним словом о нашей само-

бытности» [12, с. 345–346]. «Катков был прежде всего человеком глубокой государственной мысли, и в этом была его *гениальность*; эту мысль он превращал в достойные ее могучие слова, и в этом заключался его неподражаемый *талант*», – резюмировал публицист «Русского обозрения» [12, с. 347]. Обширно цитируя статьи Каткова 1880–1881 гг., Грингмут показывал, как всякий раз сбывался предсказанный им консервативный поворот правительства. Суть катковизма, по Грингмуту, состояла в выдвигании тезиса о том, что самодержавие – единственная форма правления на все времена, «с которой Россия стоит и с которой Россия падет» [12, с. 348].

В мае 1895 г. к наследию Каткова обратился в «Русском обозрении» давний сотрудник «Русского вестника» славянофил Н.М. Павлов [13]. Он вспомнил общественную реакцию на антигерценовскую статью Каткова «Заметка для издателя “Колокола”» в июне 1862 г., когда ее осудили не только «люди 40-х годов», но и И.С. Аксаков, считавший, что яд герценизма – лишь следствие «бессилия и мертвенности общественной среды» [13, с. 209]. По мнению Н.М. Павлова, массы рядовых читателей в духе русского народного характера тогда тоже сочувствовали Герцену как пусть и преступнику, но пострадавшему и несчастному, а потому не могли одобрить убийственно резкий тон Каткова в его адрес. Н.М. Павлов, считая, что Катков был прав в этом споре, тем более что Герцен сам открыто вызвал его на такую статью, все-таки был согласен понять недоуменную реакцию общества на произошедшее: «Чтобы правильно судить об этой статье Каткова – недостаточно быть тогдашним современником и сегодняшним стариком: надо вживе еще помнить самый главный ужас того времени, в том и заключающийся, что никто из тогдашних современников не хотел его понимать» [13, с. 316]. Автор имел в виду повальный космополитизм и некритический либерализм образованного общества начала 1860-х годов, порождавшие самые нелепые слухи в народных низах. Павлов рассказал о своем друге, в присутствии которого Герцен в Лондоне 8 августа 1862 г. лично прочитал вслух статью Каткова и назвал ее «ругательством».

На заметку Павлова откликнулся один из ключевых сотрудников «Русского обозрения» о. Иосиф Фудель [14]. Он соглашался с автором в том, что И.С. Аксаков был лишен практического чутья Каткова и судил об опасности Герцена отвлеченно. Вместе с тем священник отвергал павловское объяснение массового сочувствия к издателю «Колокола» как жалости к осужденному преступнику. По словам Фуделя,

роскошно живший в Лондоне публицист никак не подходил под данную категорию. Он предлагал другое объяснение – тотальную пронизанность общества 1840–80-х гг. культом либеральной оппозиционности к правительству: «Не либерализм как убеждение руководит этою толпою средних людей, а либеральничанье как дурная привычка всё и всех ругать и всем быть недовольным. <...> Всё это дурная привычка нашего общества, воспитанного двухвековым холопством перед Европой, как бывают хамские привычки у людей плохо воспитанных» [14, с. 902–903]. Самооплевание Фудель назвал типичной чертой русского характера, отказ от которой начался лишь с Каткова, разоблачившего в рассмотренной заметке всё русское общество: «Явился публицист, который с первых же шагов своей деятельности смело и прямо стал на страже государственных интересов и беспощадно стал разрушать все господствующие иллюзии» [14, с. 903].

Возражение Фуделя и солидарная с ним заметка К.Н. Цветкова в «Русском слове» заставили Н.М. Павлова опубликовать в августе 1895 г. свое «Вынужденное объяснение» [15]. Выступая в нем за синтез идей Каткова и Аксакова, автор высказывался против слепого поклонения первому из них и огульного очернения всех оппонентов «Московских ведомостей». Вклад славянофилов в русскую мысль публицист ценил гораздо выше катковского. Нисколько не оправдывая Герцена, Павлов всё же настаивал на том, что, публикуя статью против него, Катков не только не рисковал опалой, но напротив, имел все основания надеяться на усиление своих позиций. Автор также утверждал, будто Александр II в 1862 г. изъявил Каткову высочайшую благодарность, а «олигарх» М.А. Безобразов, влиянию которого на недолгое время якобы поддался тогда Катков, инициировал вручение ему золотой чернильницы за антигерценовскую статью [15, с. 830–834]. Статья Павлова завершалась обвинением Цветкова в том, что тот будто бы скрывает, что накануне смерти И.С. Аксакова в «Московских ведомостях» готовилась к печати убийственная передовица против него, якобы немедленно изъятая Катковым.

Ввиду возникших разногласий А.А. Александров решил целый раздел октябрьского номера своего журнала посвятить завершению этой полемики. От своего лица редактор выражал желание осветить случившееся недоразумение светом истины и рассеять возникшие вокруг инцидента слухи в «твердой уверенности, что величавый образ Каткова от такого освещения не проиграет, а выиграет, как не проигрывает, а выигрывает прекрасная картина от тщательной и искусной промывки опытного реставратора» [16, с. 834].

К.Н. Цветков заново пересказывал для читателей статью Н.М. Павлова и возражал ей по всем пунктам, показывая, что Катков ударил по репутации Герцена в зените его силы и славы и был поддержан в этом «консервативными элементами» – «поместным дворянством и православным духовенством» [17, с. 837]. Ёрнически отзываясь о «Вынужденном объяснении» Павлова, Цветков обвинял его в забалтывании темы посторонними рассуждениями. Суть разногласий он сводил к тому, что никакой высочайшей благодарности Каткову в 1862 г. не было, равно как не было и влияния Безобразова: Павлов перепутал факты и забыл, что речь шла о серебряной чернильнице от всего московского дворянства, преподнесенной публицисту в 1865 г. за защиту единства России. Цветков с опорой на свидетельства секретаря «Московских ведомостей» С.И. Соколова и В.А. Грингмута доказывал, что Катков вообще никогда не готовил передовицу против Аксакова и что ее исчезновение, если бы она существовала, является технически невозможным по типографским условиям. Цветков доказывал близость идей «Московских ведомостей» к народным массам и отрицательное отношение к Каткову в 1860-е годы в высших сферах [17, с. 840–851].

Вдова Каткова, София Петровна, была обеспокоена возникшей перепалкой в печати. Поэтому А.А. Александров 9 октября написал ей письмо, в котором просил прощения, что вопреки своему желанию причинил ей боль «допущением полемики Н.М. Павлова с К.Н. Цветковым» [18, л. 1]. Чтобы загладить инцидент и «способствовать скорейшему очищению славного имени незабвенного и высокоуважаемого мною М.Н. Каткова от всяких бродивших в обществе смутных слухов, могущих хоть сколько-нибудь умалить значение его великих заслуг перед отечеством и великого служения своему народу» [18, л. 1], он сообщал о своем решении напечатать завершение полемики о Каткове в «Русском обозрении» и просил вдову мыслителя «прислать что-либо из... могущего способствовать еще большему возвеличению имени моего незабвенного учителя» [18, л. 1].

Поэтому октябрьский номер «Русского обозрения» ознаменовался завершением полемики о Каткове. Н.М. Павлов ответил уже третьей по счету статьей с настолько острыми выпадами против К.Н. Цветкова, что Александров снабдил ее примечаниями от редакции, в которых недвусмысленно встал на сторону последнего и признал, что лично исправил ряд фраз его статьи [19]. На сей раз Павлов обвинял своего оппонента в раздувании чисто технических разногласий, по поводу же вымышленной истории с

несостоявшейся полемикой Каткова и Аксакова говорил лишь, что бытует такой неподтвержденный слух, за который он не отвечает.

Наконец, в своей третьей статье Цветков бросал Павлову ответные обвинения в распространении сплетен, слухов и баснословных фантазий [20]. Действительно, в этом отношении ссылавшийся на документы первый автор смотрелся убедительнее второго, опиравшегося на память о городских слухах тридцатилетней давности. Однако внимания заслуживает то, что антиславянофильская позиция Цветкова была открыто поддержана редактором «Русского обозрения», который предпочел на этом завершить полемику и перейти к апологии Каткова. Неудивительно, что уже в следующем номере журнала В.А. Грингмут опубликовал самую большую из своих работ о Каткове [21]. В ней затрагивались следующие сюжеты: противопоставление государственного мышления Каткова в 1863 г. мелочному самолюбию А.В. Никитенко, статью которого не приняли в «Московские ведомости»; доказательство того, что Катков всегда говорил только от своего лица и не претендовал на то, что какая-либо газета может быть «органом общественного мнения»; тезис о Каткове как «гениальном публицисте» и «гениальном государственном человеке», который «чуял дух своего народа» и подчас шел против сиюминутного «общественного мнения», руководствуясь нравственным долгом [21, с. 389–391].

Во второй половине своей статьи Грингмут внезапно менял тему и обрушивался на славянофилов, доказывая, что Катков воспринял патристические идеи независимо от них и выстроил свое государственное учение в противовес им. Публицист обвинял славянофилов в том, что они вместо помощи Николаю I в управлении страной якобы предлагали ему произвести «революцию сверху», созвать земский собор и, в случае конфликта царя с собором, довести дело до изменения характера государственного строя Российской империи [21, с. 396–403]. Эти обвинения были явно преувеличены, поскольку И.В. Киреевский и А.С. Хомяков никогда не стояли на подобной платформе. Тем не менее обращение к данной теме позволило Грингмуту утверждать, что он придерживается линии А.С. Пушкина – Николая I – М.Н. Каткова, чуждой патриархальной утопии возврата Московской Руси и признающей закономерность послепетровской европеизации [21, с. 404–408]. При этом Грингмут не отказывался от противопоставления императора министрам и чиновникам, говоря о том, что Катков «открыто вступил в борьбу за полноправное, неумаленное самодержавие русского царя и с одинаковой энерги-

ею отвергнул как бюрократическую, так и демократическую над ним опеку, ставя своею беспощадною аргументацией одинаковую преграду парламентарным притязаниям как Государственного совета, так и славянофильского земского собора» [21, с. 408]. Не жалея бранных слов в адрес славянофилов, якобы добивавшихся «подчинения царя народу», публицист особенно резко обвинял Аксакова в зависти к успехам Каткова и политической близорукости, в 1863 и 1881 гг. игравшей на руку конституционалистам [21, с. 411–414]. Статья завершалась похвалами личным качествам Каткова: доброте, чистой совести, благородству, острому сознанию собственного долга, энергии, требовательности к себе и другим. Возвращаясь к полемике Павлова с Цветковым, Грингмут указывал на то, что Аксаков в 1862 г. вел себя двулично по отношению к тому же Герцену, тайно сотрудничая с ним и не смея открыто нападать на него в печати [21, с. 417–418]. Вновь, как и в январе 1895 г., публицист выражал надежду на скорейшее издание полного собрания статей Каткова.

Резкость статьи Грингмута вызвала поток писем к нему, на которые он отреагировал примечанием в «Русском обозрении» месяц спустя. В нем он пояснял, что ничуть не умаляет места славянофилов в истории русской мысли, а лишь считает, что «славянофилы положили начало нашему национальному самосознанию, а Катков, помимо славянофилов, положил начало нашему национальному возрождению» [22, с. 975]. Грингмут также подчеркивал, что он не сомневается в личной честности И.С. Аксакова, но сурово осуждает его общественную деятельность, и вновь солидаризировался с К.Н. Цветковым в споре с Н.М. Павловым [22, с. 976].

На этом полемика о Каткове в «Русском обозрении» затихла. Победу в ней явно одержали катковисты, но в течение целого года после этого журнал не вспоминал о наследии Каткова. Лишь в феврале 1897 г. в «Русском обозрении», регулярно публиковавшем материалы о жизни Н.С. Соханской (Кохановской), были опубликованы письма Каткова к ней, подготовленные к изданию С.И. Пономаревым [23]. Публикатор рассказал историю знакомства Каткова с мало-российской писательницей, начавшегося после выхода ее повести «Гайка» в 1857 г., и сотрудничества Кохановской в «Русском вестнике» в последующие два года. Катков позволял себе радикально сокращать ее повести, но зато преклонялся перед ее талантом и к 1859 г. повысил плату Кохановской с 50 до 100 р. за печатный лист. По какой причине после этого их отношения внезапно прервались, а писательница прочно связала себя с изданиями И.С. Аксакова, этого Пономарев не знал.

В июле 1897 г. к десятилетию смерти Каткова Анатолий Александров организовал тематический раздел в «Русском обозрении», на сей раз заполнив его в основном сам. Редактор отметил продолжение яростных споров вокруг имени великой личности, выражая надежду на то, что в будущем место дискуссий займет общая благодарность к его заслугам. Теперь же, по словам Александрова, «понятна любовь к Каткову, понятна к нему и ненависть. Он слишком много и слишком явно поработал в деле укрепления на Руси истинно-русских начал, чтобы это могли забыть русские люди, чтобы с этим могли примириться все те, чьим планам и стремлениям стоят на дороге эти русские начала, обеспечивающие на долгое время тихое и спокойное развитие русской государственной и общественной жизни» [24, с. 397]. Вывод Александрова о «служителе русского общественного слова» был таков: «Катков является, в сущности, нашим первым публицистом в настоящем значении этого слова, и притом публицистом великим, гениальным... С ним русская публицистика приобретает значение дотоле неслыханное, поднимается на высоту, невозможную, быть может, нигде, ни в одной стране, кроме как в России» [24, с. 397].

Вслед за предисловием Александрова был опубликован панегирик А.А. Шевелева, превозносившего статьи Каткова как «перлы политической литературы» и «неподражаемые образцы для всех русских публицистов» [25, с. 398]. Шевелев ценил в Каткове умение менять свои взгляды по конкретным вопросам (например, по суду присяжных), когда того требовали интересы России и ее благо. Всю жизнь мыслителя автор статьи рисовал как самозабвенное служение царю и отечеству, даже представляя дело так, что якобы у Каткова не было семьи (что неверно). Особенно превозносил Шевелев умение Каткова «отыскивать, вытаскивать на свет Божий и клеймить заслуженным позором перед всем светом» врагов России [25, с. 399]. Говоря с умилением о «пророческом вдохновении» редактора «Русского вестника», Шевелев указывал на доверие, оказанное ему Александром II и Александром III, которых он тоже превозносил до небес.

В завершение статьи публицист призывал всех консерваторов открыто молиться за Каткова, не боясь угроз либералов, и поставить ему памятник. При этом из всего многообразия катковских идей Шевелев выдвигал на первый план только одну – защиту самодержавия, призывая «с горячею верой в Бога, в единую православную Церковь, соединить честное, не лицемерное и не “либеральное” служение царю и отечеству» [25, с. 401].

Вслед за этим Анатолий Александров разместил в своем журнале свои воспоминания о Каткове, под руководством которого он учился подростком-лицеистом [26]. Редактор «Русского обозрения» подчеркивал воспитательное значение руководства Каткова в Лицее в память цесаревича Николая. Публицист никогда не вел бесед с лицеистами на социально-политические темы, но в старших классах Александров уже читал передовицы Каткова и осознавал «грандиозный и могучий образ гениального человека во всем величии и блеске его необычайной силы и значения» [26, с. 407]. Автор приводил текст стихотворений о Каткове, написанных «одним лицеистом» (т.е. им самим): два из них были написаны в годы обучения в лицее (второе из них в слегка иной редакции обнаружено нами в составе письма Александра самому Каткову, датированного 1887 г. [27, л. 45об–46]), одно – на его смерть и одно – к десятой годовщине кончины [26, с. 407–409; 28, с. 411]. В них редактор «Московских ведомостей» предстал как нестигаемый борец с врагами России, мечущий в них грома и говорящий правду царю. В последних двух стихотворениях, написанных уже после смерти Каткова, преобладают траурные мотивы, делается акцент на сплочении молодых консерваторов вокруг знамени почившего вождя, содержатся прямые заимствования фрагментов строк из стихотворений Ф.И. Тютчева с намеком на идейную преемственность поколений.

В качестве подтверждения своей пафосной риторики в адрес Каткова Александров тут же перепечатал одну из его передовиц 1886 г., посвященную значению политической прессы [29]. В статье проводилась мысль, что в западных странах газеты и журналы являются партийными органами и только в России они могут быть подлинно независимы. Именно в этой работе были произнесены знаменитые слова Каткова о том, что «русские подданные имеют нечто большее, чем права политические: они имеют политические обязанности» [29, с. 410], а присяга императору на верность заменяет нам конституцию. Впрочем, Александров, не ограничившись перепечаткой катковской статьи, повторял эти строки и в собственной публицистике.

Наконец, в качестве еще одного приложения в данном юбилейном номере журнала Александров поместил письма Каткова к сотруднику его «Русского вестника» В.П. Безобразову (который являлся отцом публиковавшегося в 1890–1892 гг. в «Русском обозрении» П.В. Безобразова, что намекало на преемственность двух консервативных журналов) [30]. Эти восемь писем относились к 1856–1857 гг. и были посвящены в

основном цензурным злоключениям «Русского вестника».

Таким образом, «Русское обозрение» в 1895–1897 гг. сделало ряд шагов в сторону позиционирования себя как преемника идей М.Н. Каткова. В длительной дискуссии 1895 г. с частичной критикой взглядов и деятельности Каткова было позволено выступить Н.М. Павлову – заведомо слабому оппоненту, опиравшемуся на неподтвержденные слухи и ошибки памяти. Апологетам Каткова – К.Н. Цветкову, В.А. Грингмуту, о. И.И. Фуделю и самому редактору «Русского обозрения» А.А. Александрову – не составило труда одолеть Павлова в споре и нарисовать мифологизированный образ редактора «Русского вестника» как титана государственной мысли, возродившего русскую самобытность, спасшего самодержавную монархию и самую целостность России. Вся эта апологетика сопровождалась достаточно резкими выпадами не только против либералов и социалистов, но и против славянофилов. В 1897 г. в журнале появлялись уже исключительно апологетические материалы о Каткове, превращавшие его в окончательно канонизированную в глазах консерваторов, забронзовевшую фигуру. Это несколько противоречило тому, что Грингмут и Александров были сформированы как мыслители влиянием не только Каткова, но и Константина Леонтьева, также в немалой степени по-смертно канонизированного на страницах «Русского обозрения». Но потребность консерваторов в создании культа личности своих великих учителей в условиях острой полемики с либералами оказалась сильнее формальных логических противоречий.

Список литературы

1. Неведенский С. [Щегловитов С.Г.] Катков и его время. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1888. XIV + 570 с.
2. Любимов Н.А. Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга: по документам и личным воспоминаниям. СПб.: Общественная польза, 1889. 356 с.
3. Сементковский Р.И. М.Н. Катков, его жизнь и литературная деятельность. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1892. 80 с.
4. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М.: Наука, 1978. 279 с.
5. Брутян А.Л. М.Н. Катков: социально-политические взгляды. М.: Диалог МГУ; Макс Пресс, 2001. 159 с.
6. Измestьева Г.П. Михаил Никифорович Катков // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 71–92.
7. Санькова С.М. Государственный деятель без государственной должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма: историографический аспект. СПб.: Нестор, 2007. 298 с.

8. Котов А.Э. Русская консервативная журналистика 1870–1890-х годов: опыт ведения общественной дискуссии. СПб.: Книжный дом, 2010. 220 с.
9. Котов А.Э. Птенцы гнезда Каткова. СПб.: ГУМиРФ им. адмирала С.О. Макарова, 2013. 151 с.
10. Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2016. 486 с.
11. Котов А.Э. Консервативная печать в общественно-политической жизни России 1860-х – 1890-х годов: М.Н. Катков и его окружение: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский Институт истории РАН, 2016. 51 с.
12. Spectator [Грингмут В.А.] Провозвеститель нашей новой эры // Русское обозрение. 1895. № 1. С. 344–357.
13. Павлов Н.М. Полемика Каткова с Герценом. Эпизод из 60-х годов // Русское обозрение. 1895. № 5. С. 308–324.
14. Фудель И.И., свящ. Одна из наших слабостей (По поводу полемики Каткова с Герценом). Заметка // Русское обозрение. 1895. № 6. С. 899–905.
15. Павлов Н.М. Вынужденное объяснение (По поводу возражений на статью: «Полемика Каткова с Герценом») // Русское обозрение. 1895. № 8. С. 825–837.
16. Александров А.А. Еще о М.Н. Каткове. От редакции // Русское обозрение. 1895. № 10. С. 833–834.
17. Цветков К.Н. Добровольный ответ на «Вынужденное объяснение» Н.М. Павлова // Русское обозрение. 1895. № 10. С. 835–851.
18. ОР РГБ. Ф. 120. К. 1. Д. 7.
19. Павлов Н.М. В заключение нашей полемики с г. Цветковым // Русское обозрение. 1895. № 10. С. 852–858.
20. Цветков К.Н. Последнее слово Н.М. Павлову // Русское обозрение. 1895. № 10. С. 859–865.
21. Spectator [Грингмут В.А.] Главная заслуга М.Н. Каткова // Русское обозрение. 1895. № 11. С. 383–419.
22. Spectator [Грингмут В.А.] Истинное значение грамотности // Русское обозрение. 1895. № 12. С. 963–976.
23. Пономарев С.И. Письма к Н.С. Соханской (Кохановской) М.Н. Каткова // Русское обозрение. 1897. № 2. С. 1020–1028.
24. Александров А.А. Знаменательное десятилетие (памяти М.Н. Каткова). От редакции // Русское обозрение. 1897. № 7. С. 396–397.
25. Шевелев А.А. Значение Каткова // Русское обозрение. 1897. № 7. С. 397–403.
26. Александров А.А. Одна из многих заслуг М.Н. Каткова (из воспоминаний бывшего лицеиста) // Русское обозрение. 1897. № 7. С. 403–409.
27. ОР РГБ. Ф. 120. К. 54. Д. 11. Л. 450б–46.
28. Александров А.А. У могилы Каткова // Русское обозрение. 1897. № 7. С. 411.
29. Катков М.Н. О смысле и значении политической печати в России // Русское обозрение. 1897. № 7. С. 409–411.
30. Катков М.Н. Письма М.Н. Каткова к В.П. Безобразову (1856–1857 гг.) // Русское обозрение. 1897. № 7. С. 412–422.

THE HISTORICAL ROLE AND LEGACY OF MIKHAIL KATKOV ON THE PAGES OF THE «RUSSKOE OBOZRENIE»

M.V. Medovarov

The article is devoted to a topic that has been ignored by specialists namely to the formation of the personality cult of Mikhail Katkov after his death in the ranks of Russian conservatives. On the example of the journal «Russkoe Obozrenie» there are shown two stages of the formation of the mythologized image of Katkov as a publicist, thinker and statesman: from critical discussions with Slavophiles about his ideology to his complete apology.

Keywords: Mikhail Katkov, Russian Conservatism, Slavophilism, Russkoe Obozrenie, Anatoly Alexandrov, Vladimir Gringmut.

References

1. Nevedensky S. [Shcheglovitov S.G.] Katkov and his time. St. Petersburg: A.S. Suvorin type, 1888. XIV + 570 p.
2. Lyubimov N.A. Mikhail Nikiforovich Katkov and his historical merit: according to documents and personal memoirs. St. Petersburg: Public benefit, 1889. 356 p.
3. Sementkovsky R.I. M.N. Katkov, his life and literary activity. St. Petersburg: Type. Yu.N. Ehrlich, 1892. 80 p.
4. Tvardovskaya V.A. Ideology of post-reform autocracy (M.N. Katkov and his publications). M.: Nauka, 1978. 279 p.
5. Brutyan A.L. M.N. Katkov: socio-political views. M.: Dialog MSU; Max Press, 2001. 159 p.
6. Izmestyeva G.P. Mikhail Nikiforovich Katkov // Questions of history. 2004. № 4. P. 71–92.
7. Sankova S.M. Statesman without public office. M.N. Katkov as an ideologue of state nationalism: historiographical aspect. St. Petersburg: Nestor, 2007. 298 p.
8. Kotov A.E. Russian conservative journalism of the 1870s–1890s: the experience of conducting public discussion. St. Petersburg: Book House, 2010. 220 p.
9. Kotov A.E. Chicks of the Katkov nest. St. Petersburg: GUMiRF named after Admiral S.O. Makarov, 2013. 151 p.
10. Kotov A.E. «The Tsar's Way» by Mikhail Katkov: The ideology of bureaucratic nationalism in political journalism of the 1860–1890s. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2016. 486 p.
11. Kotov A.E. Conservative press in the social and political life of Russia in the 1860s – 1890s: M.N. Katkov and his entourage: Abstract of the dissertation of the Doctor of Historical Sciences. St. Petersburg: St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 2016. 51 p.

12. Spectator [Gringmut V.A.] The herald of our new era // Russian Review. 1895. № 1. P. 344–357.
13. Pavlov N.M. Katkov's polemic with Herzen. An episode from the 60s // Russian Review. 1895. № 5. P. 308–324.
14. Fudel I.I., sacred. One of our weaknesses (About Katkov's polemic with Herzen). Note // Russian Review. 1895. № 6. P. 899–905.
15. Pavlov N.M. Forced explanation (Regarding objections to the article: «Katkov's polemic with Herzen») // Russian Review. 1895. № 8. P. 825–837.
16. Alexandrov A.A. More about M.N. Katkov. From the editorial office // Russian Review. 1895. № 10. P. 833–834.
17. Tsvetkov K.N. Voluntary response to the «Needed explanation» by N.M. Pavlov // Russian Review. 1895. № 10. P. 835–851.
18. OR RGB. F. 120. K. 1. D. 7.
19. Pavlov N.M. In conclusion of our polemic with G. Tsvetkov // Russian Review. 1895. № 10. P. 852–858.
20. Tsvetkov K.N. The last word to N.M. Pavlov // Russian Review. 1895. № 10. P. 859–865.
21. Spectator [Gringmut V.A.] The main merit of M.N. Katkov // Russian Review. 1895. № 11. P. 383–419.
22. Spectator [Gringmut V.A.] The true meaning of literacy // Russian Review. 1895. № 12. P. 963–976.
23. Ponomarev S.I. Letters to N.S. Sokhanskaya (Kohanovskaya) M.N. Katkov // Russian Review. 1897. № 2. P. 1020–1028.
24. Alexandrov A.A. Significant tenth anniversary (in memory of M.N. Katkov). From the editorial office // Russian Review. 1897. № 7. P. 396–397.
25. Shevelev A.A. The meaning of Katkov // Russian Review. 1897. № 7. P. 397–403.
26. Alexandrov A.A. One of the many merits of M.N. Katkov (from the memoirs of a former lyceum student) // Russian Review. 1897. № 7. P. 403–409.
27. OR RGB. F. 120. K. 54. D. 11. L. 45ob-46.
28. Alexandrov A.A. At the grave of Katkov // Russian review. 1897. № 7. P. 411.
29. Katkov M.N. On the meaning and significance of the political press in Russia // Russian Review. 1897. № 7. P. 409–411.
30. Katkov M.N. Letters of M.N. Katkov to V.P. Bezobrazov (1856–1857) // Russian Review. 1897. № 7. P. 412–422.